

Эта комедия отвечала на один из вопросов дня. В течение нескольких лет русская литература, увлеченная примером Щедрина (см. главу VIII), с особенным вниманием останавливалась на изображении тех чиновников, которые вплоть до судебной и административной реформы 1864 года жили исключительно взяточничеством. Но вслед за введением вышеупомянутых реформ выросла новая раса чиновников — правда, не берущих взяток, но в то же самое время, вследствие их накрахмаленного ригоризма и деспотического, ничем не сдерживаемого себялюбия, они являются едва ли не большим злом, чем прежние взяточники. В герое «Мишуры» автор берет именно такой тип. Его характер со всеми второстепенными чертами — его неблагодарностью и в особенности его любовью (или тем, что он понимает под любовью) — может быть изображен, для целей драмы, в чересчур черном свете: такие последовательные эгоисты и формалисты очень редки или, пожалуй, даже никогда не встречаются в действительной жизни. Но автору почти удается убедить зрителей в реальности этого типа — с таким мастерством он разворачивает в ряде разнообразных положений «корректную» и глубоко эгоистическую натуру своего героя. В этом отношении комедия очень удачна и дает превосходный материал для актеров.

А. И. Пальм (1823—1885) был драматургом, который пользовался долговременным успехом. В 1849 году он был арестован за знакомство с лицами, принадлежавшими к кружку Петрашевского (см. главу о Достоевском), и с того времени жизнь его была рядом злоключений, так что он мог вернуться к литературной деятельности лишь в пятидесятилетнем возрасте. Он принадлежал к тургеневскому поколению и, будучи хорошо знаком с типами дворян, которых великий романист так ярко изобразил в целом ряде своих «Гамлетов», написал несколько комедий из жизни этого круга. Его комедии «Старый барин» и «Наш друг Неклюжев» до последнего времени давались с большим успехом на русской сцене.

Актер И. Е. Чернышев (1833—1863) написал также несколько комедий и одну драму, «Испорченная жизнь», производшую некоторое впечатление в 1861 году; наконец, заслуживает упоминания в настоящем кратком очерке Н. Соловьев, написавший несколько самостоятельных драматических произведений, и В. А. Крылов (Александров), отличавшийся не столько талантливостью, сколько производительностью.

В последнее время два молодых писателя произвели глубокое впечатление своими комедиями и драматическими сценами. Я говорю об Антоне Чехове, которого драма «Иванов» вызвала несколько лет тому назад оживленные споры, а последующие драмы произвели глубокое впечатление, и о Максиме Горьком, «Мещане» которого указывают на несомненный драматический талант, а его недавно напечатанные «драматические сцены» «На дне» (это действительно лишь сцены, без попытки построить из них драму) затмевают даже лучшие его беллетристические очерки. Мы подробнее коснемся их в следующей главе.

Глава VII. Беллетристы-народники

Их положение в русской литературе — Ранние беллетристы-народники: Григорович. — Марко Вовчок. — Данилевский. — Переходный период: Кокорев. — Писемский. — Потехин. — Этнографические исследования. — Реалистическая школа: Помяловский. — Решетников. — Левитов. — Глеб Успенский. — Златовратский и другие народники: Наумов. — Засодимский. — Салов. — Нефедов. — Современный реализм: Максим Горький.

Замечательную группу русских беллетристов, почти совершенно неизвестных в Западной Европе, а между тем представляющих, может быть, самый типический отдел русской литературы, представляют «беллетристы-народники». Под этим названием они известны главным образом в России, и под этим названием разбирал их критик Скабичевский, сначала в книге, посвященной им («Беллетристы-народники», Спб., 1888), а позже в своей «Истории новейшей русской литературы» (4-е издание, 1900 г.). Под «беллетристами-народниками» мы разумеем, конечно, не тех, которые пишут для народа, а тех, которые пишут о народе: о крестьянах, углекопах, фабричных рабочих, беднейшем населении городов, бездомных бродягах и т. д. Брет Гарт в своих очерках из жизни золотоискателей, Золя в «L'Assommoir» и «Germinal», Гиссинг (Gissing) в «Liza of Lambeth», Уайтинг (Whiting) в «№ 5, John Street» принадлежат к этой категории; то, что в западноевропейской литературе представляется исключительным и случайным, в русской литературе является органическим.

Целый ряд талантливых писателей в последнее пятидесятилетие посвятили свои труды, иные